

УДК 159.9.072

DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-2-7

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИЙ У АЗИАТСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ¹

*Н. Б. Карабущенко^{1,3}, Т. С. Пилишвили¹, Т. В. Чхиквадзе¹,
С. Н. Сорокоумова^{2,3}, Ю. А. Дюкарева¹*

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

³Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье представлены результаты исследования и эмпирической проверки разработанной Н.Б. Карабущенко с соавторами теоретической модели интеллектуального проявления личности в аспекте раскрытия социально-интеллектуальных особенностей распознавания лицевой экспрессии студентами из России и стран Азии, а также эмоционального, культурного и социального интеллекта личности.

Материалы и методы. Эмпирическая проверка гипотезы проведена на российских и азиатских студентах Российского университета дружбы народов (РУДН) (всего 242 человека) методом сравнительного анализа посредством SPSS Statistics.

Результаты исследования. В статье подтверждена гипотеза об общих основаниях и специфических особенностях проявления структурных, функциональных, содержательных компонентов, динамической и процессуальной составляющих предложенной модели интеллектуального проявления личности в аспекте раскрытия социально-интеллектуальных особенностей распознавания лицевой экспрессии студентами. В содержательном компоненте монгольские и южнокорейские студенты отличаются ориентацией на монокультурность диалога; китайские студенты – ориентацией на регламентированный характер диалога; российские студенты – ориентацией на поликультурность диалога. В структурном компоненте у монгольских студентов деятельность в общении направлена на себя в диалоге; у российских и китайских студентов – на отношения с партнером при нерегламентированности чувств и удовольствии от диалога у российских студентов; у вьетнамских студентов – на ограничение эмоциональной деятельности. С точки зрения функции коммуникации и антиципации монгольские студенты ориентированы на интровертированный характер взаимодействия; российские студенты – на экстравертированный характер взаимодействия; южнокорейские студенты – на высокую эмоциональную сонстрайку с партнером по общению; вьетнамские студенты – на непроявленный эмоциональный характер взаимодействия. В динамической и процессуальной составляющих модели монгольские студенты ориентированы на актуальную ситуацию общения; российские, китайские и вьетнамские студенты – на предвосхищение

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №17-06-00834/17 «Интеллектуальные основания распознавания эмоций представителями разных культур».

General psychology, personality psychology, history of psychology

дальнейшего развития диалога; южнокорейские студенты – на отражающе-предвосхищающую ситуацию общения.

Обсуждение и заключения. Результаты исследования используются при работе с российскими и азиатскими студентами для консультационной практики на базе Кабинета психологической поддержки РУДН.

Ключевые слова: распознавание эмоций, эмоциональный интеллект, социальный интеллект, культурный интеллект, интеллектуальные основания.

Для цитирования: Карабущенко Н.Б., Пилишвили Т.С., Чхиквадзе Т.В., Сорокоумова С.Н., Дюкарева Ю.А. Сравнительный анализ интеллектуальных оснований распознавания эмоций у азиатских и российских студентов // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, №2. С. 7.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INTELLECTUAL FOUNDATIONS OF EMOTION RECOGNITION AMONG ASIAN AND RUSSIAN STUDENTS¹

*N. B. Karabushchenko^{1,3}, T. S. Pilishvili¹, T. V. Chkhikvadze¹,
S. N. Sorokoumova^{2,3}, Yu. A. Dyukareva¹*

¹Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

²Russian State Social University Moscow, Moscow, Russian Federation

³Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev Army of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. The article presents the results of the study on empirical verification of the theoretical model developed by Karabushchenko N.B. with co-authors of the intellectual manifestation of personality in the aspect of revealing the social-intellectual features of facial expression recognition by students from Russia and Asian countries, as well as the emotional, cultural and social intelligence of personality.

Materials and Methods. The empirical test of the hypothesis was carried out with Russian and Asian students of Peoples' Friendship University of Russia (242 people in total) by employing method of comparative analysis through SPSS Statistics.

Results. The hypothesis about general grounds and specific features of the manifestation of structural, functional, content components, dynamic and procedural components of the proposed model of intellectual manifestation of personality in the aspect of revealing the social-intellectual features of facial expression recognition by students is confirmed. In the content component, Mongolian and South Korean students are oriented at the monocultural dialog; Chinese students are aimed at the regulated character of the dialog; Russian students are oriented at the multiculturalism of the dialog. In the structural component, the activity in communication of Mongolian students is

¹ The study was carried out with the financial support of Russian Foundation for Basic Research within the framework of research project No. 17-06-00834/17 "Intellectual basis of emotion recognition by representatives of different cultures".

aimed at themselves in dialog; the activity of Russian and Chinese students is oriented at relationship with the partner, with unrestrained feelings and pleasures from dialog for Russian students; Vietnamese students' activity is aimed at the limited emotional activity. From the point of view of the function of communication and anticipation, Mongolian students are oriented toward the introverted nature of interaction; Russian students are oriented toward the extraverted nature of interaction; South Korean students are oriented toward high emotional alignment with a communication partner; Vietnamese students are oriented toward the unmanifested emotional nature of interaction. In the dynamic and procedural components of the model, Mongolian students are oriented to the current situation of communication; Russian, Chinese and Vietnamese students - to anticipation of the further promotion of dialog; South Korean students - to the reflecting-anticipating situation of communication.

Discussion and Conclusions. The results of the study are used in the practice of psychological consultation with Russian and Asian students based on the psychological support room.

Keywords: emotion recognition, emotional intelligence, social intelligence, cultural intelligence, intellectual foundations.

For citation: Karabushchenko N.B., Pilishvili T.S., Chkhikvadze T.V., Sorokoumova S.N., Dyukareva Yu.A. Comparative analysis of the intellectual foundations of emotion recognition among asian and russian students // Vestnik of Minin University. 2021. Vol. 9, no. 2. P. 7.

Введение

Актуальность проблемы изучения интеллектуальных оснований социального, культурного, эмоционального типов интеллекта при распознавании эмоций имеет, во-первых, собственно научные предпосылки изучения, которые состоят в необходимости переосмысления соотношений данных оснований и попытке поиска новых взаимоотношений [56]; во-вторых, социально-экономические предпосылки, которые состоят в росте миграционных процессов; в-третьих, внутриуниверситетские предпосылки, поскольку международно ориентированный университет должен быть направлен на повышение качества жизни российских и иностранных студентов. Способность распознавать эмоции по лицевой экспрессии является одним из важных компонентов успешного общения, и достаточный уровень развитости рассматриваемых нами интеллектуальных оснований способствует более эффективной коммуникации [6]. В связи с этим настоящее исследование имеет как научную, так и социально-практическую значимость для современного мультикультурного общения.

Обзор литературы

Несмотря на универсальность выражения базовых эмоций, особенности распознавания и выражения эмоций во многом являются социально и культурно опосредованными [13; 28; 29; 38; 46 и др.]. Понятие социального интеллекта (СИ) впервые ввел американский психолог E.L. Thorndike в 1920 году, определяя его как совокупность способностей личности эффективно взаимодействовать с людьми [52], что положило начало

возникновению все большего числа моделей СИ [9; 14; 19; 34; 35] и др. Рассмотрим некоторые из них.

По J.P. Guilford, социальный интеллект является независимым от общего интеллекта конструктом и частью трехсторонней (кубической) модели интеллекта, в которой социальному интеллекту соответствует понимание поведенческой информации [34].

Н. Gardner представил теорию множественного интеллекта, подразумевающую наличие у человека не общего интеллекта, а множества относительно независимых способностей, среди которых – внутриличностный и межличностный интеллекты [31].

Д.В. Ушаков, являющийся автором структурно-динамической теории, подразумевающей изменчивость и формирование социального интеллекта на протяжении всей жизни человека под воздействием среды, выделяет следующие факторы, влияющие на уровень СИ личности: потенциал формирования; личностные, в частности эмоциональные, особенности; жизненный путь, направленность на людей или на предметную деятельность [3].

А.И. Савенков в своей модели СИ предлагает три группы компонентов, каждую из которых схематично располагает в виде грани куба: когнитивные (включающие социальные знания, память, прогнозирование и интуицию), эмоциональные (саморегуляция, сопереживание, социальная выразительность) и поведенческие компоненты (социальные взаимодействия, адаптация, восприятие) [14].

Развивая теорию контактов G.W. Allport [19], ряд авторов находят подтверждение тому, что усиление взаимодействия между членами различных этнических групп способствует повышению взаимопонимания, уменьшению враждебности, предрассудков и формированию дружеских отношений между группами в различных социальных контекстах [38; 48].

Значимость роли социального интеллекта в сфере межкультурной коммуникации подтверждается результатами исследования, направленного на изучение взаимосвязи между СИ и чувствительностью межкультурного общения. Так, были выявлены значимые связи между СИ и межкультурной сензитивностью, из чего авторы делают предположение, что социальный интеллект может служить основой межкультурной сензитивности и способствовать адаптации [26].

В результате исследования особенностей социального интеллекта в украинской и словацкой управленческой среде между менеджерами из Украины и Словакии были выявлены различия в оценке обнаруженных факторов СИ, таких как социальная раздражительность, манипуляция и эмпатия [30].

Исследование, проведенное W.J. Kwon и M. Whang в 2019 году, подтвердило эффективность повышения социального потенциала лидера посредством обучения навыкам социального интеллекта в области распознавания лицевых экспрессий [41].

Как было сказано ранее, нормы и правила выражения эмоций могут быть опосредованными культурой. Культурный интеллект (КИ) как способность человека эффективно взаимодействовать в мультикультурном контексте впервые представили С. Earley и S. Ang, выделяя в своей модели 4 основных компонента: когнитивный (общие знания о различных культурах и культурных ценностях), метакогнитивный (способность обрабатывать и осознавать информацию о новой культуре и о своем поведении в межкультурном взаимодействии, а также генерировать стратегии взаимодействия с представителями других культур), мотивационный (желание взаимодействовать с местными жителями и адаптироваться к новой культуре) и поведенческий (набор важных моделей поведения в различных ситуациях взаимодействия) [20; 27]. D. Thomas и K. Inkson

рассматривают культурный интеллект как систему взаимодействующих способностей, необходимую для осуществления межкультурного взаимодействия, включающую в себя знание о культуре и о межкультурном взаимодействии, кросс-культурные компетенции и культурные метакогнитивные процессы [51]. О.Е. Хухлаев рассматривает КИ как интегрирующее ядро когнитивной и социально-психологической сторон межкультурной коммуникации [17].

В результате исследования, целью которого являлось определение роли культурного интеллекта в адаптации китайских студентов, обучающихся в США, были выявлены четыре группы траекторий культурного интеллекта в течение 4 измеряемых промежутков времени. Факторами, которые в значительной степени предсказывали траектории КИ, оказались социальная связь с основным обществом, тревога, воспринимаемая языковая дискриминация (социальные установки) и незначительное преодоление через поддержку семьи [53]. Положительная связь между культурным интеллектом и межкультурной адаптацией была также выявлена в исследовании I.M. Nunes, V. Felix и L.A. Prates, в котором приняли участие 217 эмигрантов, проживающих в Бразилии [45].

Проявление культурного интеллекта в той или иной мере зависит от культурной принадлежности. Так, Н.Л. Сунгурова и И. Пеич провели кросс-культурное исследование, выявившее, что российские студенты отличаются более высокими значениями по метакогнитивному и когнитивному компонентам культурного интеллекта, а нигерийские студенты – по поведенческому компоненту КИ. Также авторами были выявлены различия в стратегиях когнитивной регуляции эмоций и взаимосвязь между компонентами рассматриваемых ими конструктов [15].

Первоначально эмоциональный интеллект рассматривался в рамках социального интеллекта. С популяризацией эмоционального интеллекта (ЭИ) параллельно возникло множество различных исследовательских традиций и методов изучения данного конструкта. Среди множества моделей можно выделить два основных подхода к пониманию природы эмоционального интеллекта. С одной стороны, выделяются модели способностей J.D. Mayer, P. Salovey и D. Caruso [42], которые рассматривают эмоциональный интеллект как когнитивную способность, измеряемую задачами, связанными с когнитивной обработкой эмоциональной информации. Авторы выделяют 4 типа способностей: восприятие эмоций (включая невербальные проявления), использование эмоций с целью развития познавательных процессов, понимание эмоций и управление ими.

Ко второй группе подходов относятся рассматривающие эмоциональный интеллект как сложное сочетание когнитивных и личностных характеристик смешанные модели, измеряемые посредством опросников-самоотчетов. Приведем в пример ключевые модели. 1) D. Goleman выделил пять составляющих ЭИ: самоосознание, саморегуляцию, социальные навыки, мотивацию и эмпатию [32]. 2) модель R. Coopers и A. Sawaf включает в себя эмоциональную грамотность (способность правильно распознавать и выражать чувства, а также уважать чувства); эмоциональный фитнес (устойчивость доверия, аутентичность); эмоциональную глубину (осуществление влияния на других с помощью фундаментальных ценностей без манипулирования или контроля) и эмоциональную алхимию (смешивание и регулирование эмоций для поиска и реализации возможностей посредством творчества, когнитивного мышления и риторики) [24]. 3) в модели R. Bar-On в качестве компонентов ЭИ выделяются внутри- и межличностная сферы, а также адаптация к требованиям окружающей среды и стрессовым воздействиям и сфера общего настроения [21]. 4) K. Petrides считает, что ЭИ может быть концептуализирован в качестве отдельной составной конструкции на

первичном уровне иерархических структур черт. По мнению автора, «эмоциональная самоэффективность» является важным компонентом эмоционального интеллекта [47].

5) M. Zeidner, G. Matthews и R. Roberts определяют ЭИ как совокупность способностей и компетенций, используемых для управления эмоциями и урегулирования эмотивных конфликтных ситуаций [57]. 6) Компонентами модели ЭИ Д.В. Люсина являются: когнитивные способности, к которым относятся скорость и точность переработки эмоциональной информации; представления об эмоциях как о ресурсах, значимом источнике информации и т.п.; особенности эмоциональности [10].

Подтверждение того, что ЭИ также в значительной степени является культурно обусловленным, можно найти в ряде исследований. Например, в исследовании, в котором приняли участие 129 российских и китайских студентов в общей сложности, было выявлено, что российскими студентами более высоко, чем китайскими, оцениваются осознание своих чувств и эмоций и управление ими, общий уровень ЭИ, лучше распознаются эмоции по лицевой экспрессии в целом. Китайские студенты выше оценивают свою эмоциональную отходчивость [12].

В отечественной и зарубежной науке существует множество разносторонних подходов к исследованию восприятия лиц и лицевой экспрессии, но можно выделить четыре основные группы подходов. Во-первых, в рамках биологического подхода исследователи опираются на данные особенностей мозговых структур личности, распознающей эмоции [23; 43]. Во-вторых, поведенческий подход фокусируется на изучении особенностей влияния усвоенного в семье опыта распознавания эмоций [22; 44]. К третьей группе относится когнитивный подход, изучающий особенности области лица, продолжительности и порядка демонстрации экспрессии, интенсивности и инверсии выражаемой эмоции, когнитивного стиля распознающего [37; 39; 50]. Четвертую группу составляет разрабатываемый отечественными психологами коммуникативный подход, делающий акцент на связи точности распознавания лицевых экспрессий с локализациями эмоций, их модальностями и полнотой мимических проявлений, со сферой экспрессивных выражений, перцептивными навыками [1; 2; 5; 16].

Исследования лицевых экспрессий являются актуальными в современной науке, что подтверждает ряд последних исследований [2; 11; 33; 36; 55]. Например, в 2019 году Д.В. Люсиным, Ю.А. Кожуховой и Е.А. Сучковой было проведено экспериментальное исследование, подтвердившее эффект эмоциональной конгруэнтности при восприятии эмоций посредством разработанной авторами методики с неоднозначными выражениями лиц, которая показала свою эффективность [11].

Проведенные исследования культурно-интеллектуальных особенностей распознавания эмоций по лицевой экспрессии выявили, что эмоции по выражению лица лучше распознаются российскими студентами, чем азиатскими, что связано с большей открытостью и опытом межэтнического взаимодействия российских студентов. Также авторами неоднократно был обнаружен эффект узнаваемости при восприятии своей этнической группы [7; 8].

Вопрос о соотношении социального, культурного и эмоционального интеллектов в современной науке все еще не имеет общепринятого ответа.

Ряд авторов относят рассматриваемые нами интеллектуальные основания к аспектам теории множественного интеллекта в качестве относительно самостоятельных конструкторов [3; 20; 31; 42; 54; 57]. Например, Mayer и Salovey предположили, что эмоциональный и социальный интеллекты имеют области пересечения [42]. С.В. Чигарькова и Г.У. Солдатова

в своем обзоре ссылаются на ряд исследований, демонстрирующих самостоятельность культурного интеллекта относительно ЭИ [18]. Указанные авторы не исследовали СИ, ЭИ и КИ в совокупности эмпирически.

Частная попытка определить отношения между эмоциональным и социальным интеллектом была предпринята в исследовании L.M. Kobe, R. Reiter-Palmon и J.D. Rickers, в котором приняли участие 192 студента, изучалась способность эмоционального и социального интеллектов объяснять различия в лидерском опыте. Регрессионный анализ показал, что оба интеллекта объясняют данные различия. В то же время было обнаружено, что, хотя эмоциональный интеллект объясняет различия в лидерстве, он не привносит уникальных различий за пределами социального интеллекта. Таким образом, авторы делают вывод, что социальный интеллект играет главную роль в лидерстве [40].

Результаты другого исследования, направленного на изучение взаимосвязи между эмоциональным, культурным интеллектами и успеваемостью студентов, показали значимую положительную связь между ЭИ и КИ, за исключением области успеваемости учащихся [49].

Эмпирическое исследование с целью выявления связей между социальным, эмоциональным и культурным интеллектами было проведено К.А. Crowne. Данное исследование показало, что рассматриваемые интеллектуальные основания различны, но взаимосвязаны, а также что социальный интеллект не является конструктом более высокого порядка, чем КИ и ЭИ [25].

На основании проанализированных подходов и концепций к рассматриваемым интеллектуальным основаниям распознавания эмоций, а также социальному, эмоциональному и культурному типам интеллектов, осуществлена эмпирическая проверка разработанной ранее в рамках научного гранта Н.Б. Карабущенко с соавторами модели, выявляющей новые отношения между данными конструктами.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили студенты Российского университета дружбы народов (РУДН) как возрастно-психологическая группа, нормативно ориентированная на целенаправленное, систематическое овладение компетенциями в области присвоения себе различных аспектов мультикультурного образовательного пространства. Всего в исследовании приняли участие 242 студента (70 российских, 48 монгольских, 40 южнокорейских, 40 вьетнамских, 44 китайских студентов) в возрасте от 18 до 23 лет; средний возраст составляет 21 год. Исследование проводилось на базе РУДН.

Психодиагностический инструментарий включил в себя следующие методики: опросник эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, тест социального интеллекта Гилфорда, шкалу культурного интеллекта К. Эрли и С. Анга (в адаптации Е.В. Беловол, К.А. Шкварило, Е.М. Хворовой) [4]. Для исследования способности распознавать эмоции по лицевой экспрессии использовались 24 фотографии лиц, выражающих базовые эмоции молодых мужчин и женщин европейского, азиатского и африканского происхождения из базы данных Montreal Set of Facial Displays of Emotion by U. Hess (MSFDE). Математико-статистическая обработка данных производилась посредством сравнительного анализа в SPSS Statistics 20.0.

Результаты исследования

Сравнительный анализ российских, монгольских, китайских, южнокорейских и вьетнамских студентов был произведен посредством Хи-квадрата Пирсона.

В эмоциональном интеллекте были выявлены следующие статически значимые различия.

Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Эмоциональный интеллект» у китайских студентов ($M_{\text{КИТ}} = 181,34$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{РОС}} = 153,60$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{ЮЖНК}} = 110,98$), монгольскими студентами ($M_{\text{МОНГ}} = 84,25$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{ВЬЕТН}} = 54,73$); $X^2 = 97,99$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Межличностный эмоциональный интеллект» у китайских студентов ($M_{\text{КИТ}} = 184,25$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{РОС}} = 162,26$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{ЮЖНК}} = 101,38$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{ВЬЕТН}} = 85,25$), монгольскими студентами ($M_{\text{МОНГ}} = 51,52$); $X^2 = 121,57$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Межличностный эмоциональный интеллект» у китайских студентов ($M_{\text{КИТ}} = 163,81$) по сравнению с монгольскими студентами ($M_{\text{МОНГ}} = 144,69$), российскими студентами ($M_{\text{РОС}} = 122,71$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{ЮЖНК}} = 119,49$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{ВЬЕТН}} = 47,03$); $X^2 = 66,93$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Понимание эмоций» в межличностном эмоциональном интеллекте у китайских студентов ($M_{\text{КИТ}} = 165,26$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{РОС}} = 152,64$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{ЮЖНК}} = 118,99$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{ВЬЕТН}} = 103,63$), монгольскими студентами ($M_{\text{МОНГ}} = 52,96$); $X^2 = 80,15$ при $p = 0,000$.

Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Понимание чужих эмоций» у китайских студентов ($M_{\text{КИТ}} = 164,60$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{РОС}} = 162,37$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{ВЬЕТН}} = 111,50$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{ЮЖНК}} = 100,99$), монгольскими студентами ($M_{\text{МОНГ}} = 47,81$); $X^2 = 98,86$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Понимание своих эмоций» у китайских студентов ($M_{\text{КИТ}} = 159,17$) по сравнению с южнокорейскими студентами ($M_{\text{ЮЖНК}} = 135,44$), российскими студентами ($M_{\text{РОС}} = 120,79$), монгольскими студентами ($M_{\text{МОНГ}} = 100,67$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{ВЬЕТН}} = 92,38$); $X^2 = 98,86$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Управление эмоциями» в межличностном эмоциональном интеллекте у китайских студентов ($M_{\text{КИТ}} = 187,14$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{РОС}} = 140,91$), монгольскими студентами ($M_{\text{МОНГ}} = 131,48$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{ЮЖНК}} = 98$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{ВЬЕТН}} = 26,85$); $X^2 = 123,19$ при $p = 0,000$.

Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Управление чужими эмоциями» у китайских студентов ($M_{\text{КИТ}} = 192,15$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{РОС}} = 149,96$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{ЮЖНК}} = 107,44$), монгольскими студентами ($M_{\text{МОНГ}} = 80,73$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{ВЬЕТН}} = 56,98$); $X^2 = 109,45$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Управление своими эмоциями» у китайских студентов ($M_{\text{КИТ}} = 173,65$) по сравнению с монгольскими студентами ($M_{\text{МОНГ}} = 144,04$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{ЮЖНК}} = 113,71$), российскими студентами ($M_{\text{РОС}} = 102,03$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{ВЬЕТН}} = 78,95$); $X^2 = 51,97$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Контроль экспрессии» у монгольских студентов ($M_{\text{МОНГ}} = 164,31$) по сравнению с китайскими студентами ($M_{\text{КИТ}} = 154,57$), российскими

студентами ($M_{\text{рос}} = 137,41$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{южнк}} = 103$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 24,40$); $X^2 = 112,62$ при $p = 0,000$.

В социальном интеллекте были выявлены следующие статически значимые различия.

Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Умение предвидеть последствия поведения» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 163,71$) по сравнению с китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 136,67$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 128,50$); российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 123,44$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 63,75$), $X^2 = 50,52$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Способность правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 195,5$) по сравнению с вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 123,43$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 111,70$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 111,32$); монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 81,85$), $X^2 = 64,09$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Способность распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике» у монгольских студентов ($M_{\text{монг}} = 177,83$) по сравнению с южнокорейскими студентами ($M_{\text{южнк}} = 174,18$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 104,66$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 89,43$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 81,69$); $X^2 = 09,09$ при $p = 0,000$.

В культурном интеллекте были выявлены следующие статически значимые различия.

Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Метакогнитивный компонент» у вьетнамских студентов ($M_{\text{вьетн}} = 166,65$) по сравнению с южнокорейскими студентами ($M_{\text{южнк}} = 125,14$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 119,94$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 116,47$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 89,60$); $X^2 = 27,33$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Когнитивный компонент» у вьетнамских студентов ($M_{\text{вьетн}} = 152,35$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 148,19$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{южнк}} = 126,10$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 99,93$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 72,81$); $X^2 = 45,74$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Мотивационный компонент» у вьетнамских студентов ($M_{\text{вьетн}} = 155,65$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 139,93$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 129,06$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 116,73$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{южнк}} = 51,28$), $X^2 = 55,79$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Поведенческий компонент» у вьетнамских студентов ($M_{\text{вьетн}} = 165,78$) по сравнению с китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 145,65$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{южнк}} = 135,21$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 132,13$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 35,54$); $X^2 = 55,79$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Культурный интеллект» у вьетнамских студентов ($M_{\text{вьетн}} = 165,55$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 138,76$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 125,78$), южнокорейскими студентами ($M_{\text{южнк}} = 120,91$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 56,19$); $X^2 = 62,12$ при $p = 0,000$.

В распознавании эмоций были выявлены следующие статически значимые различия.

Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание гнева» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 174,19$) по сравнению с вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 137,23$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 132,08$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 115,87$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 63$); $X^2 = 63,08$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание гнева на азиатских лицах» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 172,95$) по сравнению с вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 141,7$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 142,55$), российскими студентами

General psychology, personality psychology, history of psychology

($M_{\text{рос}} = 95,33$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 80,67$); $X^2 = 61,21$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание гнева на европейских лицах» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 146,81$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 145,49$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 130,65$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 120,35$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 58,85$); $X^2 = 59,55$ при $p = 0,000$.

Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание грусти» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 191,74$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 127,8$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 114,23$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 102,78$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 77$); $X^2 = 67,73$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание грусти на азиатских лицах» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 175,36$) по сравнению с китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 129,01$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 126,6$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 112,9$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 78,02$); $X^2 = 52,04$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание грусти на европейских лицах» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 176,5$) по сравнению с российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 148,59$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 104,1$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 91,95$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 77,75$); $X^2 = 77,82$ при $p = 0,000$.

Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание страха» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 173,58$) по сравнению с вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 124,68$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 125,45$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 102,1$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 100,74$), $X^2 = 33,52$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание страха на азиатских лицах» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 180,30$) по сравнению с китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 133,45$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 123,18$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 116,77$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 82,67$), $X^2 = 56,49$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание страха на европейских лицах» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 142,38$) по сравнению с вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 126,75$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 125,41$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 115,8$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 99,25$), $X^2 = 9,723$ при $p = 0,05$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание отвращения» у российских студентов ($M_{\text{рос}} = 175,53$) по сравнению с южнокорейскими студентами ($M_{\text{южнк}} = 169,8$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 93,09$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 87,43$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 56,9$), $X^2 = 121,7$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание отвращения на азиатских лицах» у российских студентов ($M_{\text{рос}} = 175,53$) по сравнению с южнокорейскими студентами ($M_{\text{южнк}} = 169,8$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 93,09$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 87,43$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 56,9$), $X^2 = 121,7$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание отвращения на европейских лицах» у российских студентов ($M_{\text{рос}} = 171,04$) по сравнению с южнокорейскими студентами ($M_{\text{южнк}} = 159,08$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 84,56$), китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 80,59$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 86,15$), $X^2 = 89,66$ при $p = 0,000$.

Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание позора» у китайских студентов ($M_{\text{кит}} = 139,98$) по сравнению с южнокорейскими студентами ($M_{\text{южнк}} = 130,18$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 127,90$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 120,17$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 93,94$); $X^2 = 11,749$ при $p = 0,019$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание позора на азиатских лицах» у южнокорейских

студентов ($M_{\text{южнк}} = 152,98$) по сравнению с китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 132,3$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 123,33$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 117,91$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 89,08$); $X^2 = 21,026$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание позора на европейских лицах» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 141,19$) по сравнению с китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 126,38$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 126,69$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 126,38$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 95,79$); $X^2 = 11,42$ при $p = 0,000$. Выявлено наиболее высокое значение по шкале «Распознавание эмоций на азиатских лицах» у южнокорейских студентов ($M_{\text{южнк}} = 195,80$) по сравнению с китайскими студентами ($M_{\text{кит}} = 126,59$), вьетнамскими студентами ($M_{\text{вьетн}} = 119$), российскими студентами ($M_{\text{рос}} = 103,31$), монгольскими студентами ($M_{\text{монг}} = 83,52$); $X^2 = 65,23$ при $p = 0,000$.

Обсуждение и заключения

В эмоциональном интеллекте китайские студенты демонстрируют наиболее высокий уровень эмоционального интеллекта, внутриличностного и межличностного эмоционального интеллекта, управление эмоциями, понимание эмоций. Они также наиболее эффективно управляют чужими эмоциями и понимают собственные. Наименьшие показатели в эмоциональном интеллекте выявлены у вьетнамских студентов по управлению чужими эмоциями, пониманию и управлению своими эмоциями, межличностному интеллекту и эмоциональному интеллекту в целом. По показателям контроля экспрессии наименьший показатель выявлен в выборке вьетнамских студентов, а наибольший – у монгольских студентов. Средние показатели в эмоциональном интеллекте выявлены у южнокорейских студентов, тогда как для российских студентов характерны более высокие значения, в целом уступающие только выборке китайских студентов.

Это означает, что эмоциональный интеллект китайских студентов сфокусирован как на себе, так и на партнере по общению, функционирующая эмоциональная связь с собой и Другим в общении более выражена по сравнению с остальными группами студентов и не различается по интроверсивности/экстраверсивности. Эмоциональный интеллект южнокорейских студентов носит скорее ограничивающий эмоциональную деятельность характер, тогда как для российских студентов свойственно скорее расширение диапазона эмоционального взаимодействия. Эмоциональный интеллект монгольских студентов в большей мере носит интровертированный характер с высоким стремлением к контролю экспрессивных переживаний, для вьетнамских же студентов характерна скорее стихийно формирующаяся самоограничивающая эмоциональная деятельность.

В социальном интеллекте южнокорейские студенты демонстрируют наиболее высокую способность предвидеть последствия поведения, правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям, распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике. Наименьшие показатели по способности предвидеть последствия поведения, правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям выявлены у монгольских студентов, однако по способности распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике они имеют столь же высокие показатели, как и южнокорейские студенты. Китайские, российские и вьетнамские студенты демонстрируют в целом схожие средние показатели социального интеллекта с преобладанием способности предвидеть последствия поведения по отношению к другим параметрам социального интеллекта.

General psychology, personality psychology, history of psychology

Это означает, что социальный интеллект южнокорейских студентов проявляется в своей отражающе-предвосхищающей форме и отличается большей надежностью по сравнению с остальными группами студентов. Социальный интеллект монгольских студентов носит отражающий характер, ориентирован на ситуацию непосредственно протекающего общения. Социальный интеллект китайских студентов носит скорее предвосхищающий характер, ориентацию на дальнейшие ситуации общения в будущем, что, впрочем, характерно также для российских и вьетнамских студентов.

В культурном интеллекте наибольшим уровнем культурного интеллекта в целом обладают вьетнамские студенты, наименьшим – монгольские студенты. Вьетнамские студенты отличаются наиболее высокими оценками поведенческого, мотивационного когнитивного и метакогнитивного компонентов культурного интеллекта. Наименьшее значение по когнитивному компоненту получено в выборке южнокорейских студентов, по метакогнитивному, поведенческому и мотивационному – у монгольских студентов. Российские и китайские студенты по данному виду интеллекта демонстрируют схожие выраженные средне показатели.

Это означает, что культурный интеллект вьетнамских студентов оформляется как единый конструкт в связи с ориентацией на их монокультурность и выполняет замещающую роль для других, менее проявленных в данной выборке типов интеллекта. Культурный интеллект китайских студентов ориентирован скорее на регламентированный характер общения, тогда как у российских студентов культурный интеллект ориентирован на чувство удовольствия и уверенности, возникающие в контакте с Другим. Для российских студентов культурный интеллект ориентирован также на учет и осознание их поликультурности. Культурный интеллект южнокорейских студентов недостаточно проявлен в связи с ориентацией на монокультурность и регламентированность общения. Культурный интеллект монгольских студентов недостаточно проявляется в связи с ориентацией на монокультурность.

В распознавании эмоций более выраженный уровень распознавания различного вида эмоций выявлен, прежде всего, у южнокорейских студентов, тогда как наименьший уровень наблюдается у монгольских студентов. Китайские и вьетнамские студенты демонстрируют сходный, выраженный средне уровень распознавания различных эмоций. Российские же студенты склонны более четко считывать одни эмоции, например, отвращение для обоих типов лиц (европейских и азиатских) наряду с низким распознаванием страха на азиатских лицах. Примечательно, что эмоция отвращения как демонстрация непринятия практически во всех случаях хуже распознавалась монгольскими, вьетнамскими и китайскими студентами как носителями традиционных коллективных культур. Полученные результаты подтверждают идею о лучшем уровне ориентации в распознавании эмоций на партнера с азиатским типом лица у южнокорейских студентов в особенности в отношении распознавания негативных эмоций, принципиально значимых для формирования копинг-стратегий. Российские студенты больше ориентированы в распознавании эмоций на партнера с европейским типом лица по общению и хуже считывают эмоции на азиатском типе лица. Монгольские студенты демонстрируют не столь эффективное погружение в себя, вьетнамские же студенты уходят от контакта в стихийное торможение собственной эмоциональной деятельности.

Таким образом, в содержательном компоненте разработанной модели монгольские и южнокорейские студенты отличаются ориентацией на монокультурность диалога; китайские студенты – ориентацией на регламентированный характер диалога; российские студенты –

ориентацией на поликультурность диалога. В структурном компоненте у монгольских студентов деятельность в общении скорее направлена на себя в диалоге, а не на партнера; у российских и китайских студентов – на отношения с партнером при нерегламентированности чувств и удовольствии от диалога у российских студентов; у вьетнамских студентов – на ограничение, притормаживание эмоциональной деятельности.

С точки зрения функции коммуникации и антиципации в модели монгольские студенты ориентированы скорее на интровертированный характер взаимодействия; российские студенты – на экстравертированный характер взаимодействия; южнокорейские студенты – на высокую эмоциональную сонастройку с партнером по общению, в особенности из азиатского региона для считывания проявления возможных негативных социально значимых эмоций; вьетнамские студенты – на непроявленный эмоциональный характер взаимодействия. В динамической и процессуальной составляющих модели монгольские студенты ориентированы на актуальную ситуацию общения; российские, китайские и вьетнамские студенты направлены на предвосхищение дальнейшего развития диалога; южнокорейские студенты – на отражающе-предвосхищающую ситуацию общения.

Список использованных источников

1. Барабанщиков В.А. Восприятие выражений лица. М.: Изд-во ИП РАН, 2009. 448 с.
2. Барабанщиков В.А., Королькова О.А., Лободинская Е.А. Распознавание эмоций в условиях ступенчатой стробоскопической экспозиции выражений лица // Экспериментальная психология. 2018. Том 11, №4. С. 50-69. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110405>.
3. Белова С.С., Ушаков Д.В. Социальный интеллект: от измерения к теории // Вестник Полоцкого государственного университета. Педагогические науки. 2017. №7. С. 63-68.
4. Беловол Е.В., Шкварило К.А., Хворова Е.М. Адаптация опросника «Шкала культурного интеллекта» К. Эрли и С. Анга на русскоязычной выборке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. №4. С. 5-14.
5. Жегалло А.В. Распознавание периферически экспонируемых эмоциональных экспрессий // Экспериментальная психология. 2018. Том 11, №2. С. 16-33. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110202>.
6. Иващенко А.В., Карабущенко Н.Б., Пилишвили Т.С., Чхиквадзе Т.В. Проблема активности как становления субъектности в постнеклассической психологии // Психологический журнал. 2016. Том 17, №3. С. 225-228.
7. Карабущенко Н.Б., Иващенко А.В., Хворова Е.М., Разумова С.Н. Культурно-интеллектуальные особенности распознавания лицевой экспрессии представителей других этносов // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, №3. С. 169-189. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.3.9>.
8. Карабущенко Н.Б., Хворова Е.М. Межэтнические особенности распознавания лицевой экспрессии // Вестник Мининского университета. 2017. №3. DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2017-3-14>.
9. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2002. С. 469-474.
10. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН. 2004. С. 29-36.

General psychology, personality psychology, history of psychology

11. Люсин Д.В., Кожухова Ю.А., Сучкова Е.А. Эмоциональная конгруэнтность при восприятии неоднозначных выражений лица // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12, №1. С. 27-39. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120103>.
12. Пилишвили Т.С., Дюкарева Ю.А. Особенности эмоционального интеллекта и субъективного благополучия российских и китайских студентов // Казанский педагогический журнал. 2019. №4. С. 112-118.
13. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото; науч. ред.-пер. А. С. Кармин. СПб., 2003. 717 с.
14. Савенков А.И. Структура социального интеллекта // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7, №2. С. 7-15. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070201>.
15. Сунгурова Н.Л., Пеич И. Сравнительный анализ когнитивной регуляции эмоций и культурного интеллекта российских и нигерийских студентов в условиях межнациональной коммуникации // Мир науки, культуры и образования. 2018. №6(73). С. 400-403.
16. Хозе Е.Г. Восприятие индуцированных экспрессий лица: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИПРАН, 2013. 25 с.
17. Хухлаев О.Е. Кросс-культурный интеллект: на пути к интеграции когнитивного и социально-психологического подхода к межкультурной коммуникации // Этнопсихология: вопросы теории и практики: сборник научных трудов. Вып. 3 / под ред. О.Е. Хухлаева. М.: МГППУ, 2010. С. 76-78.
18. Чигарькова С.В., Солдатова Г.У. Культурный интеллект как социально-психологический феномен: обзор концепции // Национальный психологический журнал. 2018. №4(32). С. 27-38. DOI: 10.11621/npj.2018.0403.
19. Allport G.W. The nature of prejudice. Reading, MA: Addison-Wesley. 1954.
20. Ang S., Van Dyne L. Theory, measurement and applications // Handbook on cultural intelligence. New York: Armonk, M. E. Sharpe. 2008. 414 p.
21. Bar-On R. Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory // R. Bar-On, J.D.A. Parker (eds.). Handbook of emotional intelligence. San Francisco: Jossey-Bass. 2000. Pp. 363-388.
22. Bornstein M.H., Arteberry M.E. Recognition, discrimination and categorization of smiling by 5-month-old infants // Developmental Science. 2003. Vol. 6, no. 5. Pp. 585-599. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-7687.00314>.
23. Calder A.J., Burton A.M., Miller P., Young A.W., Akamatsu S. A principal component analysis of facial expressions // Vision Research. 2001. Vol. 41, no. 9. Pp. 1179-1208. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0042-6989\(01\)00002-5](https://doi.org/10.1016/S0042-6989(01)00002-5).
24. Cooper R.K., Sawaf A. Executive JQ: Emotional intelligence in leadership and organizations. New York: Grosset / Putnum, 1997. 336 p.
25. Crowne, K.A. An Empirical Analysis of Three Intelligences // Canadian Journal of Behavioural Science / Revue Canadienne Des Sciences Du Comportement. 2013. Vol. 45, no. 2. Pp.105-114. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/a0029110>.
26. Dong Q., Koper R.J., Collaco C.M. Social Intelligence, Self-esteem, and Intercultural Communication Sensitivity // Intercultural Communication Studies XVII. 2008. Vol. 2. Pp. 162-172.
27. Earley P.C., Ang S. Cultural intelligence: Individual interactions across cultures. Stanford, CA: Stanford Business Books, 2003. 379 p.

28. Ekman P., Friesen W. Pictures of facial affect. Palo Alto: Consulting Psychologists' Press, 1976.
29. Ekman P. Methods for Measuring Facial Action // Scherer K.R., Ekman P. (eds.) Handbook of methods in nonverbal behavior research. New York, 1982. Pp. 45-90.
30. Frankovský M., Birknerová Z., Zbihlejšová L., Medvid' M. Social intelligence in the cultural context: comparison of Ukrainian and Slovak managers // Economic Annals-XXI. 2018. Vol. 169(1-2). Pp. 62-66. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V169-12>.
31. Gardner H. Frames of Mind: The theory of multiple intelligences. New York: Basic Books, 1983.
32. Goleman D. Emotional Intelligence. New York: Bantam, 1995.
33. Gordillo F., Mestas L., Pérez M.Á., et al. The Priming Effect of a Facial Expression of Surprise on the Discrimination of a Facial Expression of Fear // Current Psychology. 2019. Vol. 38, no. 6. Pp. 1613-1621. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-017-9719-0>.
34. Greenspan S., Driscoll J. The role of intelligence in a broad model of personal competence // Contemporary intellectual assessment: Theories, tests and issues / D.P. Flanagan & J.L. Genshaft. New York: Guilford Press, 1997. Pp. 131-150.
35. Guilford J.P. The Nature of Human Intelligence. New York: McGraw-Hill, 1967. 538 p.
36. Huang Y., Chen F., Lv S., Wang X. Facial Expression Recognition: A Survey // Symmetry. 2019. Vol. 11, no. 10. DOI: <https://doi.org/10.3390/sym11101189>.
37. Jack R. E., Caldara R., Schyns P. G. Internal representations reveal cultural diversity in expectations of facial expressions of emotion // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 2012. Vol. 141, no. 1. Pp. 19-25. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0023463>.
38. Kim J. Exploring the experience of intergroup contact and the value of recreation activities in facilitating positive intergroup interactions of immigrants // Leisure Sciences. 2012. Vol. 34, no. 1. Pp. 72-87.
39. Kitayama S., Markus H.R. Emotion and culture: Empirical studies of mutual influence. Washington, DC: American Psychological Association, 1994.
40. Kobe L.M., Reiter-Palmon R., Rickers J.D. Self-reported leadership experiences in relation to inventoried social and emotional intelligence // Current Psychology. 2001. Vol. 20, no. 2. Pp. 154-163. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-001-1023-2>.
41. Kwon W.J., Whang M. The Effect of Social Intelligence Training on Leaders' Social Competence // Journal of Next-generation Convergence Information Services Technology. 2019. Vol. 8, no. 3. Pp. 299-308. DOI: <http://dx.doi.org/10.29056/jncist.2019.09.07>.
42. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Emotional intelligence: Theory, findings, and implications // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15, no. 3. Pp. 197-215.
43. Meletti S. Emotion Recognition // Mula M. (eds). Neuropsychiatric Symptoms of Epilepsy. Neuropsychiatric Symptoms of Neurological Disease. Springer, Cham, 2016. Pp. 177-193. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-22159-5_11.
44. Montague D.P.F., Walker-Andrews A.S. Peekaboo: A new look at infants' perception of emotion expressions // Developmental Psychology. 2001. Vol. 37. Pp. 826-838.
45. Nunes I.M., Felix B., Prates L.A. Cultural intelligence, cross-cultural adaptation and expatriate performance: a study with expatriates living in Brazil // Revista de Administração. 2017. Vol. 52, no. 3. Pp. 219-232. DOI: [10.1016/j.rausp.2017.05.010](https://doi.org/10.1016/j.rausp.2017.05.010).

General psychology, personality psychology, history of psychology

46. Pan X.-Z., Zhang S.-Q., Guo W.-P. Video-based facial expression recognition using multimodal deep convolutional neural networks // IETE Technical Review. 2020. Vol. 37, no. 4. Pp. 402-409. DOI: <https://doi.org/10.1080/02564602.2019.1645620>.
47. Petrides K.V., Furnham A. Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established traits taxonomies // European Journal of Personality. 2001. Vol. 15. Pp. 425-448.
48. Pettigrew T.F., Tropp L.R. A meta-analytic test of intergroup contact theory // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90, no. 5. Pp. 751-783.
49. Putranto N.A.R., Nuraeni S., Gustomo A., Ghazali A. The relationship between cultural intelligence, emotional intelligence, and student performance // International Journal of Business. 2018. Vol. 23, no. 1. Pp. 17-25.
50. Tanaka J.W., Sengco J. Features and their configuration in face recognition // Memory and Cognition. 1997. Vol. 25. Pp. 583-592.
51. Thomas David C., Kerr Inkson. Cultural Intelligence: Living and Working Globally. San Francisco: Berrett-Koehler, 2009.
52. Thorndike E.L. Intelligence and its uses // Harper's Magazine. 1920. No. 140. Pp. 227-235.
53. Wang K.T., Heppner P.P., Wang L., Zhu F. Cultural intelligence trajectories in new international students: Implications for the development of cross-cultural competence // International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation. 2015. Vol. 4, no. 1. Pp. 51-56.
54. Wong C.S., Law K.S. The Effects of Leader and Follower Emotional Intelligence on Performance and Attitude: An Exploratory Study // The Leadership Quarterly. 2002. No. 13. Pp. 243-274.
55. Wu Y., Ji Q. Facial Landmark Detection: A Literature Survey // International Journal of Computer Vision. 2019. Vol. 127(2). Pp. 115-142. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11263-018-1097-z>.
56. Zhang L., Verma B., Tjondronegoro D., Chandran V. Facial expression analysis under partial occlusion: A survey // ACM Computing Surveys. 2018. Vol. 51(2). Article no. 25. DOI: <https://doi.org/10.1145/3158369>.
57. Zeidner M., Matthews G., Roberts R.D. What We Know about Emotional Intelligence: How It Affects Learning, Work, Relationships, and Our Mental Health. Cambridge, MA: MIT Press, 2009.

References

1. Barabanshchikov V.A. Perception of facial expressions. Moscow, IP RAN Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)
2. Barabanshchikov V.A., Korol'kova O.A., Lobodinskaya E.A. Recognition of emotions in the conditions of a stepped stroboscopic exposure of facial expressions. *Eksperimental'naya psihologiya*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 50-69, doi: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110405>. (In Russ.)
3. Belova S.S., Ushakov D.V. Social intelligence: from measurement to theory. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, 2017, no. 7, pp. 63-68. (In Russ.)
4. Belovol E.V., SHkvarilo K.A., Hovorova E.M. Adaptation of the questionnaire "Scale of cultural intelligence" K. Earley and S. Ang on the Russian-language sample. *Vestnik*

- Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika*, 2012, no. 4, pp. 5-14. (In Russ.)
5. ZHegallo A.V. Recognition of peripherally exposed emotional expressions. *Ekspertimental'naya psihologiya*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 16-33, doi: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110202>. (In Russ.)
 6. Ivashchenko A.V., Karabushchenko N.B., Pilishvili T.S., CHkhikvadze T.V. The problem of activity as the formation of subjectivity in post-nonclassical psychology. *Psihologicheskij zhurnal*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 225-228. (In Russ.)
 7. Karabushchenko N.B., Ivashchenko A.V., Hovorova E.M., Razumova S.N. Cultural and intellectual features of facial expression recognition of representatives of other ethnic groups. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 169-189, doi: <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.3.9>. (In Russ.)
 8. Karabushchenko N.B., Hovorova E.M. Interethnic features of facial expression recognition. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2017, no. 3, doi: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2017-3-14>. (In Russ.)
 9. Kunicyna V.N., Kazarinova N.V., Pogol'sha V.M. Interpersonal communication. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. Pp. 469-474. (In Russ.)
 10. Lyusin D.V. Modern concepts of emotional intelligence. *Social'nyj intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya / pod redakciej D.V. Lyusina, D.V. Ushakova*. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2004. Pp. 29-36. (In Russ.)
 11. Lyusin D.V., Kozhuhova YU.A., Suchkova E.A. Emotional congruence in the perception of ambiguous facial expressions. *Ekspertimental'naya psihologiya*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 27-39, doi: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120103>. (In Russ.)
 12. Pilishvili T.S., Dyukareva YU.A. Features of emotional intelligence and subjective well-being of Russian and Chinese students. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 2019, no. 4, pp. 112-118. (In Russ.)
 13. Psychology and Culture / edited by D. Matsumoto; scientific editor-translator A. S. Karmin. St. Petersburg, 2003. 717 p. (In Russ.)
 14. Savenkov A.I. The structure of social intelligence. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 7-15, doi: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070201>. (In Russ.)
 15. Sungurova N.L., Peich I. Comparative analysis of the cognitive regulation of emotions and cultural intelligence of Russian and Nigerian students in the context of interethnic communication. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*, 2018, no. 6(73), pp. 400-403. (In Russ.)
 16. Hoze E.G. Perception of Induced Facial Expressions: the author's abstract of the thesis of the candidate of psychological sciences. Moscow, IPRAN Publ., 2013. 25 p. (In Russ.)
 17. Huhlaev O.E. Cross-cultural intelligence: on the way to the integration of cognitive and socio-psychological approaches to intercultural communication. *Etnopsihologiya: voprosy teorii i praktiki: sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 3 / pod redakciej O.E. Huhlaeva*. Moscow, MGPPU Publ., 2010. Pp. 76-78. (In Russ.)
 18. CHigar'kova S.V., Soldatova G.U. Cultural intelligence as a socio-psychological phenomenon: an overview of the concept. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2018, no. 4(32), pp. 27-38, doi: [10.11621/npj.2018.0403](https://doi.org/10.11621/npj.2018.0403). (In Russ.)
 19. Allport G.W. The nature of prejudice. Reading, MA: Addison-Wesley. 1954.
 20. Ang S., Van Dyne L. Theory, measurement and applications. *Handbook on cultural intelligence*. New York, Armonk, M. E. Sharpe. 2008. 414 p.

21. Bar-On R. Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory. R. Bar-On, J.D.A. Parker (eds.). *Handbook of emotional intelligence*. San Francisco, Jossey-Bass. 2000. Pp. 363-388.
22. Bornstein M.H., Arteberry M.E. Recognition, discrimination and categorization of smiling by 5-month-old infants. *Developmental Science*, 2003, vol. 6, no. 5, pp. 585-599, doi: <https://doi.org/10.1111/1467-7687.00314>.
23. Calder A.J., Burton A.M., Miller P., Young A.W., Akamatsu S. A principal component analysis of facial expressions. *Vision Research*, 2001, vol. 41, no. 9, pp. 1179-1208, doi: [https://doi.org/10.1016/S0042-6989\(01\)00002-5](https://doi.org/10.1016/S0042-6989(01)00002-5).
24. Cooper R.K., Sawaf A. *Executive JQ: Emotional intelligence in leadership and organizations*. New York, Grosset / Putnum, 1997. 336 p.
25. Crowne, K.A. An Empirical Analysis of Three Intelligences. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue Canadienne Des Sciences Du Comportement*, 2013, vol. 45, no. 2, pp.105-114, doi: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/a0029110>.
26. Dong Q., Koper R.J., Collaco C.M. Social Intelligence, Self-esteem, and Intercultural Communication Sensitivity. *Intercultural Communication Studies XVII*, 2008, vol. 2, pp. 162-172.
27. Earley P.C., Ang S. *Cultural intelligence: Individual interactions across cultures*. Stanford, CA, Stanford Business Books, 2003. 379 p.
28. Ekman P., Friesen W. *Pictures of facial affect*. Palo Alto, Consulting Psychologists' Press, 1976.
29. Ekman P. Methods for Measuring Facial Action. Scherer K.R., Ekman P. (eds.) *Handbook of methods in nonverbal behavior research*. New York, 1982. Pp. 45-90.
30. Frankovský M., Birknerová Z., Zbihlejšová L., Medvid' M. Social intelligence in the cultural context: comparison of Ukrainian and Slovak managers. *Economic Annals-XXI*, 2018, vol. 169(1-2), pp. 62-66, doi: <https://doi.org/10.21003/ea.V169-12>.
31. Gardner H. *Frames of Mind: The theory of multiple intelligences*. New York, Basic Books, 1983.
32. Goleman D. *Emotional Intelligence*. New York, Bantam, 1995.
33. Gordillo F., Mestas L., Pérez M.Á., et al. The Priming Effect of a Facial Expression of Surprise on the Discrimination of a Facial Expression of Fear. *Current Psychology*, 2019, vol. 38, no. 6, pp. 1613-1621, doi: <https://doi.org/10.1007/s12144-017-9719-0>.
34. Greenspan S., Driscoll J. The role of intelligence in a broad model of personal competence. *Contemporary intellectual assessment: Theories, tests and issues / D.P. Flanagan & J.L. Genshaft*. New York, Guilford Press, 1997. Pp. 131-150.
35. Guilford J.P. *The Nature of Human Intelligence*. New York, McGraw-Hill, 1967. 538 p.
36. Huang Y., Chen F., Lv S., Wang X. Facial Expression Recognition: A Survey. *Symmetry*, 2019, vol. 11, no. 10, doi: <https://doi.org/10.3390/sym11101189>.
37. Jack R. E., Caldara R., Schyns P. G. Internal representations reveal cultural diversity in expectations of facial expressions of emotion. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 2012, vol. 141, no. 1, pp. 19-25, doi: <https://doi.org/10.1037/a0023463>.
38. Kim J. Exploring the experience of intergroup contact and the value of recreation activities in facilitating positive intergroup interactions of immigrants. *Leisure Sciences*, 2012, vol. 34, no. 1, pp. 72-87.

39. Kitayama S., Markus H.R. Emotion and culture: Empirical studies of mutual influence. Washington, DC, American Psychological Association, 1994.
40. Kobe L.M., Reiter-Palmon R., Rickers J.D. Self-reported leadership experiences in relation to inventoried social and emotional intelligence. *Current Psychology*, 2001, vol. 20, no. 2, pp. 154-163, doi: <https://doi.org/10.1007/s12144-001-1023-2>.
41. Kwon W.J., Whang M. The Effect of Social Intelligence Training on Leaders' Social Competence. *Journal of Next-generation Convergence Information Services Technology*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 299-308, doi: <http://dx.doi.org/10.29056/jncist.2019.09.07>.
42. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Emotional intelligence: Theory, findings, and implications. *Psychological Inquiry*, 2004, vol. 15, no. 3, pp. 197-215.
43. Meletti S. Emotion Recognition. *Mula M. (eds). Neuropsychiatric Symptoms of Epilepsy. Neuropsychiatric Symptoms of Neurological Disease*. Springer, Cham, 2016. Pp. 177-193. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-22159-5_11.
44. Montague D.P.F., Walker-Andrews A.S. Peekaboo: A new look at infants' perception of emotion expressions. *Developmental Psychology*, 2001, vol. 37, pp. 826-838.
45. Nunes I.M., Felix B., Prates L.A. Cultural intelligence, cross-cultural adaptation and expatriate performance: a study with expatriates living in Brazil. *Revista de Administração*, 2017, vol. 52, no. 3, pp. 219-232, doi: 10.1016/j.rausp.2017.05.010.
46. Pan X.-Z., Zhang S.-Q., Guo W.-P. Video-based facial expression recognition using multimodal deep convolutional neural networks. *IETE Technical Review*, 2020, vol. 37, no. 4, pp. 402-409, doi: <https://doi.org/10.1080/02564602.2019.1645620>.
47. Petrides K.V., Furnham A. Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established traits taxonomies. *European Journal of Personality*, 2001, vol. 15, pp. 425-448.
48. Pettigrew T.F., Tropp L.R. A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, vol. 90, no. 5, pp. 751-783.
49. Putranto N.A.R., Nuraeni S., Gustomo A., Ghazali A. The relationship between cultural intelligence, emotional intelligence, and student performance. *International Journal of Business*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 17-25.
50. Tanaka J.W., Sengco J. Features and their configuration in face recognition. *Memory and Cognition*, 1997, vol. 25, pp. 583-592.
51. Thomas David C., Kerr Inkson. Cultural Intelligence: Living and Working Globally. San Francisco, Berrett-Koehler, 2009.
52. Thorndike E.L. Intelligence and its uses. *Harper's Magazine*, 1920, no. 140, pp. 227-235.
53. Wang K.T., Heppner P.P., Wang L., Zhu F. Cultural intelligence trajectories in new international students: Implications for the development of cross-cultural competence. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2015, vol. 4, no. 1, pp. 51-56.
54. Wong C.S., Law K.S. The Effects of Leader and Follower Emotional Intelligence on Performance and Attitude: An Exploratory Study. *The Leadership Quarterly*, 2002, no. 13, pp. 243-274.
55. Wu Y., Ji Q. Facial Landmark Detection: A Literature Survey. *International Journal of Computer Vision*, 2019, vol. 127(2), pp. 115-142, doi: <https://doi.org/10.1007/s11263-018-1097-z>.

56. Zhang L., Verma B., Tjondronegoro D., Chandran V. Facial expression analysis under partial occlusion: A survey. *ACM Computing Surveys*, 2018, vol. 51(2), article no. 25, doi: <https://doi.org/10.1145/3158369>.
57. Zeidner M., Matthews G., Roberts R.D. What We Know about Emotional Intelligence: How It Affects Learning, Work, Relationships, and Our Mental Health. Cambridge, MA, MIT Press, 2009.

© Карабущенко Н.Б., Пилишвили Т.С., Чхиквадзе Т.В.,
Сорокоумова С.Н., Дюкарева Ю.А., 2021

Информация об авторах

Карабущенко Наталья Борисовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация; профессор кафедры военной педагогики и психологии ФГКВБОУ «Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации», Новосибирск, Российская Федерация, ORCIDID: 0000-0001-7726-3894, ResearcherID: Y-2713-2018, e-mail: karabushchenko-nb@rudn.ru.

Пилишвили Татьяна Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация, ORCIDID: 0000-0002-5743-2627, ResearcherID: P-4365-2017, e-mail: pilishvili-ts@rudn.ru.

Чхиквадзе Тинатин Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация, ORCIDID: 0000-0002-9784-3850, ResearcherID: B-2860-2013, e-mail: chkhikvadze-tv@rudn.ru.

Сорокоумова Светлана Николаевна – доктор психологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», Москва, Российская Федерация; профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ФГКВБОУ «Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации», Новосибирск, Российская Федерация, ORCIDID: 0000-0001-8339-6597, ResearcherID: J-9166-2017, e-mail: 4013@bk.ru.

Дюкарева Юлия Алексеевна – магистр 1 курса кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация, e-mail: yuliya.dyukareva@mail.ru.

Information about the authors

Karabuschenko Natalya B. – Doctor of psychology, Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, RUDN University, Moscow, Russian Federation; Professor of the Department of Military Pedagogy and Psychology Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation, ORCID ID:0000-0001-7726-3894, Researcher ID: Y-2713-2018, e-mail: karabushchenko-nb@rudn.ru.

Pilishvili Tatiana S. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Psychology and Pedagogy Department, RUDN University, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-5743-2627, Researcher ID: P-4365-2017, e-mail: pilishvili-ts@rudn.ru.

Chkhikvadze Tinatin V. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Psychology and Pedagogy Department, RUDN University, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-9784-3850, Researcher ID: B-2860-2013, e-mail: chkhikvadze-tv@rudn.ru.

Sorokoumova Svetlana N. – doctor of psychological Sciences, Professor Russian State Social University Moscow, Russian Federation; professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev, National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation, ORCIDID: 0000-0001-8339-6597, ResearcherID: J-9166-2017, e-mail: e-mail: 4013@bk.ru.

Dyukareva Yuliya A. – 1st-year master's student of Psychology and Pedagogy Department, RUDN University, Moscow, Russian Federation, e-mail: yuliya.dyukareva@mail.ru.

Вклад соавторов

Карабущенко Наталья Борисовна – руководитель научного проекта; развитие методологии, дизайна теоретического и эмпирического исследования; разработка общей концепции исследования.

Пилишвили Татьяна Сергеевна – сбор данных и доказательств исследования; подготовка эмпирической части исследования.

Чхиквадзе Тинатин Владимировна – подготовка диагностического материала; математический анализ данных; компьютерная статистическая обработка данных.

Сорокоумова Светлана Николаевна – представление данных в тексте; критический анализ и доработка текста; развитие методологии; формализованный анализ данных.

Дюкарева Юлия Алексеевна – подготовка начального варианта текста; представление данных в тексте.

Contribution of authors

Karabuschenko Natalya B. – head of the scientific project; development of methodology, design of theoretical and empirical research; development of the general research concept.

Pilishvili Tatiana S. – collection of research data and evidencing materials; preparation of the empirical part of the study.

Chkhikvadze Tinatin V. – preparation of diagnostic material; mathematical data analysis; computer and statistical data processing.

Sorokoumova Svetlana N. – presentation of data in the text; critical analysis and revision of the text; methodology development; formalized data analysis.

Dyukareva Yuliya A. – preparation of the initial version of the text; presentation of data in the text.

Поступила в редакцию: 19.01.2021

Принята к публикации: 13.04.2021

Опубликована: 18.06.2021